

Бедность антипопулизма

Концепция популизма чрезмерно эксплуатируется.
Это мешает понять современные опасные тенденции.

Читайте эту статью на английском / немецком языке

90-летняя философ Агнеш Хеллер за день до своей гибели в озере Балатон дала жесткое интервью в вечернем эфире радиостанции Klubrádió. Один из заданных Хеллер вопросов касался европейских популистов. Она настаивала на том, что данный вопрос некорректен по своей сути, потому что этих политиков нужно называть не популистами, а этнонационалистами.

Всего несколькими днями ранее Пол Кругман призвал внести ясность в отношении политической ситуации в США, сложившейся вокруг ужасного инцидента, когда Дональд Трамп и его почитатели призвали четырех женщин-конгрессменов отправиться назад в свои родные страны. Вот что думает Кругман об этом: «Это неоспоримый момент истины для каждого, кто характеризует Трампа как «популиста» или утверждает, что его поддержка продиктована «экономическими тревогами». Он не популист, он белый расист. Его поддержка основана не на экономических тревогах, а на расизме».

На той же неделе Кэс Мадд, патриарх исследований в области популизма, опубликовал в Твиттере сообщение: «В условиях, когда во главе трех из пяти крупнейших демократий стоят ультраправые политические лидеры, а популизм левого толка почти изжил себя в масштабах всей планеты, самое время проявить более предметное и точное отношение к нашей терминологии. Трамп – это преимущественно не популист, а нативист-расист». Мадд отмечает, что слова имеют значение, и нам нужно следить за своим лексиконом.

Концептуальный дефицит: подмена

понятий и неправильное употребление

Проблема ненадлежащего использования терминов «популист» и «популизм» не возникла вдруг из ниоткуда в 2019 году. И те аналитики, которые смотрят на большинство, если не на все политические процессы нашего времени через призму популизма, не приблизили нас к лучшему пониманию данных проблем или выработке эффективных антипопулистских стратегий. Провал аналитиков служит подтверждением того, что чересчур много разных вещей попало в одну корзину, и границы той группы, которая обозначается как популисты, носят подчас произвольный характер.

Разговоры о популизме поверхностны и не идут дальше стили, наружности и внешних проявлений. Это ведет не только к чрезмерному использованию данной концепции, но и к смешению разных политических признаков, например, ультраправого спектра и левых радикалов, которые во всех остальных смыслах являются заклятыми врагами.

Бедность нашего лексикона начинается с забвения таких концепций, как «демагог» и «демагогия». Демагогом является тот политик, который стремится получить поддержку простых людей скорее через апеллирование к их желаниям и предубеждениям, а не посредством использования рациональных доводов. Но в современных дискуссиях вместо слова «демагог» очень часто используется слово «популист».

Термин «популизм» получил свое распространение не только потому, что кто-то не сумел подобрать правильное слово, но еще и потому, что некоторые предпочли прибегнуть к эвфемистическому выражению, чтобы сгладить острые углы в ходе дебатов и избежать появления антагонистических выводов. Этот осторожный подход также ведет к чрезмерному использованию термина «популизм». Как следствие, мы недостаточно говорим о национализме, авторитаризме, (пост- и нео-) фашизме и ультраправых силах.

Этот дефицит, берущий свое начало из нашего лексикона, порождает в конечном итоге сложности с ответной реакцией на популизм. Если популизм опасен, мы оказываемся перед необходимостью противодействовать ему. Но если мы определяем популизм как антиэлитизм (без обстоятельного разъяснения социальных структур), то чем он тогда опаснее самого элитизма? Следовательно, ключевой вопрос состоит в том, можно ли отбросить всю эту дихотомию. Для прояснения этого нам прежде всего необходимо

глубже исследовать данную концепцию и ее контекст.

Недостающие предметы: история и экономика

Причиной чрезмерного использования термина «популизм» является также неправильное применение определенной концепции, имеющей отношение к одной особой тенденции в политической истории. Популистское движение XIX века в США представляло собой политически ориентированную коалицию аграрных реформаторов на Среднем Западе и Юге, выступавшую за принятие целого ряда экономических и политических законов, которые отличались консервативностью в культурном отношении, но носили прогрессивный характер в социальном и экономическом плане.

Другим важным примером «популистской» политической тенденции стала перонистская Аргентина, которая отчасти вдохновлялась Италией Муссолини. Это влияние неоспоримо, притом что Хуан Перон не строил фашистского государства. В любом случае доперонистская Аргентина жестоко пострадала от глобальной Великой депрессии, а ее консервативное правительство тех времен было озабочено защитой благосостояния богатых слоев населения, но ничего не предпринимало для облегчения страданий бедных людей. Вырванные из контекста вещи открывают путь к использованию популизма в качестве эвфемизма для фашизма или для описания какой-либо из его мягких (предваряющих насилие) форм.

В европейском контексте национализм видится таким себе запасным вариантом для преодоления естественных дисбалансов и политических провалов в европейской интеграции

Именно пренебрежение такого рода историческими особенностями позволило популизму стать названием для всех типов современных экстремистских угроз. Например, Ян-Вернер Мюллер утверждает, что в основе популизма лежит отказ от плюрализма. Популисты всегда будут заявлять о том, что они и только они представляют народ и его настоящие интересы. Мюллер также сформулировал некое подобие железного закона популизма: популисты, обладая достаточной властью, выстроят в конечном итоге авторитарное государство. Но, разумеется, ни первопроходцы популизма

(американские аграрные реформаторы), ни отдельные из его современных представителей (например, «Движение пяти звезд» в Италии) не несут в себе антиплюрализма или авторитаризма.

При этом все классические примеры популизма, равно как и его современные представители являются очень важными факторами в политической экономике: неравномерное развитие, капиталистические кризисы и депрессия, влекущие за собой растущее неравенство. Выявить это измерение как на классических, так и на современных примерах является непростой задачей из-за глубокой пропасти между экономистами и политическими комментаторами. Одним из тех, кто прилагает усилия к преодолению этого разделения, является Дэни Родрик – он не устает напоминать о той массе литературы, которая вскрывает наличие причинно-следственной связи между торговыми потрясениями (например, проникновением китайских товаров) и параллельным подъемом так называемых популистских тенденций в Европе и Америке.

Если исходить из того, что политическая экономика по своему значению как минимум не уступает культурным вопросам, то антипопулистские стратегии тоже должны усвоить этот урок. Как отмечает Родрик: «В вопросах неравенства и недостаточного уровня безопасности решающая роль отводится средствам экономического воздействия». Это определенно имеет отношение к текущей ситуации в ЕС, где экономические и социальные дисбалансы, особенно в кризисные периоды, продуцировали и продолжают продуцировать националистические настроения, порождая или давая толчок к развитию политическим силам, отмеченным печатью популизма.

В нашем европейском контексте национализм видится таким себе запасным вариантом для преодоления естественных дисбалансов и политических провалов в европейской интеграции. Например, шовинизм благосостояния как отдельная форма экономического национализма стал значимым фактором (преимущественно, но не исключительно) в странах с более высоким уровнем доходов, что обусловлено возмущением по поводу свободного перемещения рабочей силы и законодательных предписаний ЕС, гарантирующих равные права.

«Трамп и Брексит»

Современный популизм долгое время рассматривался как досаждающая, но не критичная политическая проблема. С ног на голову все перевернул 2016 год, когда популизм сместился с периферии в самый центр – шок от этого породил двойственную концепцию «Трамп и Брексит». Те, кто использует эту формулу, как правило, не имеют ни малейшего представления о происхождении этих безусловно девиантных тенденций. Это язык центристов, которых «реальность застигла врасплох» и которые вместо осмысления недостатков своего центризма продолжают идти ва-банк и оказываются во главе популярной идеологии.

Центристы из лагеря «Трамп и Брексит» оказываются сбитыми с толку явлением, когда некий стопроцентно правый политический проект получает поддержку в традиционно левых кругах. Однако это не является каким-то новым явлением – ни в контексте США, ни в контексте Великобритании. Еще в 1980 году можно было наблюдать, как на президентских выборах в США симпатии избирателей из рабочего класса смещались в пользу кандидата от Республиканской партии; и такое же смещение в пользу тори имело место в Великобритании в 1979 году. В свое время Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер нередко характеризовали как популистов. В случае с последней это вылилось в известную концепцию «народного капитализма» (в частности, в создание впечатления, что посредством распределения долевого участия в собственности и за счет приватизации муниципального жилья можно ликвидировать разрыв между теми, кто владеет активами, и теми, кто работает на других).

Доминирующие позиции в исследованиях популизма в Европе и США остаются, как правило, за либералами, и любые дискуссии в таких условиях часто оставляют без внимания либеральный или неолиберальный популизм. Либералы (или неолибералы), к примеру, жалуются на бюрократию и под общей повесткой дня скрывают свои дерегуляционные планы и форменно популистскую критику бюрократического аппарата. Рональд Рейган преподавал мастер-класс такого дерегуляционного популизма, который был завернут в упаковку освобождения людей, а на деле привел к росту социального неравенства.

Сваливание всего в одну кучу под грифом «популизма» не

Примеры из США и Великобритании за последние 40 лет стоит изучить еще и для того, чтобы понять, как необходимость в реагировании на различные

*помогает нам понять
всю серьезность текущих
угроз для демократии и
прав человека*

экономические дисбалансы (в том числе на дефициты) и сопутствующий экономический спад порождают различные формы национализма, в том числе национализма экономического. «Сделаем Америку снова великой» – это по своей сути не популистский, а националистический лозунг. Подобно этому, главным двигателем отмежевания Великобритании от континентальной Европы и ее выхода из ЕС был не популизм, а британский национализм. Но никто не сеет панику без причины. А в США вот эти двое на полном серьезе изъявили желание сеять панику, написав книги о фашизме и особо подчеркнув, что любой возврат к отдельным темным страницам истории категорически невозможен.

Ловушка мейнстримистов

И консервативные, и прогрессивные модернизаторы в конце XX столетия отметились созданием своих собственных версий политических гибридов, целью которых было сужение пространства для альтернативных проектов. Прогрессивный центризм сделал ставку на тот вид триангуляции (формирование движения новых левых из элементов старых левых и новых правых), который в конечном итоге поспособствовал ситуативной утрате социал-демократами своих отличительных признаков и фундаментальных основ. Это создало простор для вытеснения социал-демократов разными другими партиями.

Центризм может стать новой тактикой для различных политических тенденций, включая и социал-демократию. Однако антипопулизм превращает мейнстримизм в отдельную идеологию и поощряет незнание теоретических основ политической экономики (что особенно важно: реальных причин и последствий неравенства) и практическую потребность в выдвижении новых альтернатив. Не современные популисты, а именно Маргарет Тэтчер в начале 1980-х приобрела известность своим высказыванием: «Нет никакой альтернативы».

Антипопулизм проводит четкую линию между теми, кто является популистами, и теми, кто таковыми не является. В европейском

контексте это создает впечатление, что ультраправые представляют собой проблему, а правоцентристы – нет, и как будто нет никакой взаимосвязи между политическим курсом ультраправых сил и политическими ориентирами правого центра. Это также может привести к ложному заключению, что у прогрессистов есть некий общий интерес (или даже миссия) с правоцентристами и неолибералами, целью которого является защита определенного рода мейнстрима, что чаще всего остается нераспознанным популистскими зрителями.

Как следствие, антипопулизм способствует превращению социал-демократов в мейнстримистов (сторонников предполагаемого статус-кво), вместо того чтобы побуждать их делать свою работу и предлагать альтернативу неолиберализму и правому центру. На уровне практической политики это дает зеленый свет макронизму (то есть убежденности в том, что прогрессисты обязаны интегрироваться в широкий, проевропейский, но по своей сути технократический и элитарный лагерь Макрона, и что сдерживание ультраправых сил требует отложить в сторону социальную повестку дня).

Таким образом, мейнстримизм оформился как еще один синоним для термина «популист», который попадает в категорию «нелиберальных». Это действительно обеспечило добавочную стоимость – благодаря объединению проблемных ситуаций в Европе с неевропейскими или полувропейскими системами, которые оцениваются как гибридные, что в подавляющем большинстве случаев подразумевает авторитарное наполнение с демократическим фасадом. В то же время некоторые нелибералы, такие как Орбан, могут с легкостью исказить данную концепцию, да еще и гордиться этой своей способностью, поскольку в предыдущем столетии либерализм как политическая тенденция представлял собой миноритарное течение в Европе. Сообразно этому, оппонирование либерализму необязательно является проявлением антидемократичности, это просто другая форма демократии.

В одно слово все не вместишь

Чрезмерное использование термина «популизм» – притом что он не является совсем уж несостоятельным как самостоятельная концепция – представляется сегодня признаком интеллектуальной лени. Для проведения скрупулезного политического анализа нам необходимо расширить свой лексикон, а отдельно взятые явления должны называться своими именами. Еще никто не сумел внятно объяснить, что мешает националистическим, авторитарным,

ультраправым и неофашистским тенденциям называться националистическими, авторитарными, ультраправыми и неофашистскими. И почему все они должны идти под одной популистской вывеской.

В европейском же контексте важно проводить различие между теми, кто настаивает на возвращении к национальным истокам (преимущественно представители правого политического спектра), и теми, кто видит решение в интенсификации и углублении единства и интеграции (преимущественно представители левого политического спектра). В правом политическом спектре нам нужно различать евроскептиков и еврофобов; также необходимо признавать существование левого национализма, направленного против ЕС.

Национализм может усугубиться, и это всегда увеличивает риск насилия и конфликта. Но сваливание всего подряд в одну кучу под грифом «популизма» не помогает нам понять всю серьезность текущих угроз для демократии и прав человека. Антипопулисты часто демонстрируют желание бить тревогу, но, прибегая к использованию эвфемизмов и не называя вещи своими именами, они достигают противоположного эффекта, разрывая взаимосвязь между современными ультраправыми тенденциями и их корнями.

Чтобы увидеть не только внешнюю оболочку, но и суть, необходимо обратить внимание на исторический контекст и основополагающие принципы экономической науки. Смещение фокуса внимания с морфологии на политическую экономику поможет прогрессистам лучше проанализировать националистические и ультраправые тенденции и выработать более эффективные стратегии противодействия ультраправому экстремизму во имя гуманности, равенства и единства.

Ласло Андор
Будапешт

Ласло Андор (László Andor) является генеральным секретарем в

Foundation for European Progressive Studies (FEPS). С 2010 год по 2014
год был европейским комиссаром по рынку труда, социальным
вопросам и политике социальной интеграции.